

Өмирзаков С., Бибулова М.А.

**КОКОН БАСКЫНЧЫЛЫК МЕЗГИЛИНДЕГИ
КАЗАК АДАБИЯТЫНЫН ӨКҮЛДӨРҮ**

Өмирзаков С., Бибулова М.А.

**ПРЕДСТАВИТЕЛИ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В
ПЕРИОД КОКАНДСКОГО НАШЕСТВИЯ**

S. Omirzakov, M. Bibulova

**REPRESENTATIVES OF KAZAKH LITERATURE IN
THE PERIOD OF THE KOKAND INVASION**

УДК: 821.512.122.«18»

Макалада казак адабиятынын тарыхында жаңыдан изилдене баштаган Казыгурт-Каратау аймактык адабият мектебинин негиздери ачылат. Алардын бири - Жамбыл Жабаевич. Жамбылды Жамбыл кылган анын айткан айтыштары эсептелет. Жамбыл ага чейин сынчы акындардын сын үлгүлөрүн иштеп чыгып, Абай менен теңелгенден кийин өзүнө гана мүнөздүү чоң, курч сатира жарата алганы байкалды. Жамбыл айтыш акыны болгону менен, жаштайынан мыскыл, тамаша окууга ыкпал эткен акын. Жамбыл акын Түштүк Казакстанга көп келип турган. Бир сапарда Кулынишак, Майлыкожа, Майкөт, Шады, Мусабек ж.б. Акындардын ортосуна олтуруп, ар кандай эпосторду, ырларды угат. Майлыкожа менен Майкөт мугалимдер. Ошондой эле Жамбыл акындын совет дооруна чейинки адабий мурасы Кокон чабуулундагы казак адабиятына туура келери далилденген.

Негизги сөздөр: казак адабияты, тарых, Кокон хандыгы, акын, совет доору, ырлар, адабий мурас.

В статье раскрыты основы и определены представители Казыгурт-Каратауской региональной школы литературы, которая только начинает свое изучение в истории казахской литературы. Один из них – Жамбыл Жабаевич. Именно его изречения делают Жамбыла Жамбылом. Было замечено, что Жамбыл развил критические модели критических поэтов до него, а когда он равенствовался с Абаем, ему удалось создать большую и острую сатиру, присущую только ему. Жамбыл был айтышским поэтом, но он был поэтом, приспособившимся к чтению саркастических и остроумных стихов в юном возрасте. Джамбул акын много посещал Южный Казахстан. В одном из своих путешествий Кулынишак, Майлыкожа, Майкөт, Шади, Мусабек и другие поэты, сидя в кругу, слушают различные саги, Терме-Толги. Учителями считаются Майлыкожа и Майкөт. Также было доказано, что досоветское литературное наследие поэта Жамбыла соответствует казахской литературе Кокандского нашествия.

Ключевые слова: казахская литература, история, Кокандское ханство, поэт, советский период, стихи, литературное наследие.

The article reveals the foundations and identifies the representatives of Kazygurt-Karatau regional school of literature, which is just beginning its study in the history of Kazakh literature. One of them is Zhambyl Zhabaevich. It is his aytysh that make Zhambyl Zhambyl. It was noticed that Zhambyl developed critical models of critical poets before him, and when he became equal with Abai, he managed to create a great and sharp satire, inherent only to him. Zhambyl was an Aytysh poet, but he was a poet who adapted to reading sarcastic and witty poetry at a young age. Jambul akyn visited southern Kazakhstan extensively. In one of his travels Kulyynshak,

Maylikozha, Maikut, Shadi, Musabek and other poets, sitting in a circle, listen to various sagas, Terme Tolgi. Maylikozha and Maikut are considered to be the teachers. It has also been proven that the pre-Soviet literary heritage of the poet Zhambyl corresponds to the Kazakh literature of the Kokand invasion.

Key words: Kazakh literature, history, Kokand Khanate, poet, Soviet period, poems, literary heritage.

Большинству читателей известны поэт Жамбыл и его наставник Суюнбай, судьба Сарыбая Айдосулу, духовного опекуна и наставника поэта, неизвестна следующему поколению. Это связано с тем, что варварская колонизация казахами южной части Кокандского ханства (от Ташкента до Узынагаша) и западной части (по Сырдарье и Аральскому морю) до сих пор научно не раскрыта. С этой точки зрения первый этап жизни Сарыбая, Суюнбая, Жамбыла, а точнее досоветского образа жизни, был «снежно-ледяным» в тяжелейших условиях, вызванных обрушением Коконна. колонизация. Мы знаем, что она не изучалась с течением времени. Основная причина этого была непосредственно связана с политической и социальной ситуацией того времени. Когда Джамбыл открыл дверь миру, казахи оказались под управлением Кокандского ханства. Коконуки владели всей киргизской степью, а также территорией до Кашгара. Например, знакомит с творческим наследием Суюнбая и Жамбыла, блиставших в XIX веке, с жизнью и наследием таких танцоров, как Сарыбай и многих наших соотечественников, с историей бывшей царской России. Прежняя советская система не могла выйти за пределы «классовой» методологии, верно и то, что у нас методология узкая. И поток исследований, направленных на разрушение этой системы, доставляет удовольствие. Для этого мы должны сначала старательно завершить рукописи и исторические документы девятнадцатого и начала двадцатого веков.

Во-первых, почему коконуки, которые были в хороших отношениях во времена правления знаменитого Толобидина, стали следить за казахами после смерти Абылай-хана? История показала, что не только кокандцы, но и все остальные пытались оккупировать казахскую землю.

Жамбыл рассказывает историческую правду то-

го времени:

Время яда ядовитого змея,
 Когда туман закроеет поле,
 Доброта, никаких примерных поступков,
 Период кровопролития.
 Пора наступить друг другу на плечи,
 Глотать скорпионов на мелкие кусочки,
 Время, когда пчела раскрылась, как дракон.
 С одной стороны огонь, с другой лед,
 Пламени в старости нет назад,
 Кожаберген жырау в известном эпосе «Елим-ай»
 рассказывает правду времени:
 В память о стране,
 Давай путешествовать.
 Опасность опаснее темной стороны,
 На нас снова нападают уйгуры и киргизы.
 Мусульманин не помогает мусульманину
 Когда оружие было сжато, это не помогло.
 Турки сделали врагами Коканд, Хиву и Бухару.
 Узбеки, таджики, религии стали чужды исламу»,

- сказал он, описывая трагическую историческую ситуацию в южной части казахской степи в XVIII-XIX веках. В «Истории» Шади мы видим ясную картину геополитической ситуации в XIX веке в одной из фраз эпоса «История Аблая».

Много врагов вокруг,
 В стране всегда неспокойно.
 русские, киргизы, киргизы, ногайцы,
 Никто не может говорить по-казахски.
 У них больше привычек, чем у нас,
 Один человек пересматривает приговор.
 Что бы он ни приказал,
 Он принимает его команду без мести.
 ...Русские в уме, опасность в поле, киргизы, ногайцы,

Мы видим, что геополитическая ситуация в XIX веке была для казахов очень опасной, политически нестабильной. Потому что, согласно той же былинке:

Место далекое от Великой Сотни Алатао,
 Было бы трудно привести человека.
 С ним враг,

Страна находится в объятиях Кокона», - сказал он, объясняя пограничную систему Колонизации Кокона.

Реальность эпохи на казахских землях XIX века в провах Кенесары в XIX-XX веках /... Коканд в уме, русский в степи. Чей это плод, наше казахское дитя.../ [4.169], (Гордость моя...) / Ойда - Коканд, город русскоязычный, Аким стал городом, / [5, с. 184], (Из исторических песен) В суйиндском толгау/ кокандском в ойде, русские в степи. .../ [5, с. 26], (Собрание рукописей Казыгуртского научно-исследовательского центра) Шади Жангирович/"...русский, кокандский, киргизский, ногайский.../ [3, с. 176] Нет величия, что бы не просили, Наш казахский алфавит,

Кара шапан сартпен, Кыргыз, Кыпчак объединял и правил народом. Иногда киргизы, иногда сарты, очередь в правительство. Среди невинных погибло много людей / [6, с. 12], (Рукописный фонд Казыгуртского научно-исследовательского центра) даже в единой поэме Чокан батыра /Ойда кокандская, русская в степи / [4, с. 33], до сих пор неизвестной в истории, неизменное повторение фразы «Коканд в уме, русский в степи» в письме Кенесары Кенесары [4, с. 38] является явным указанием не только на пыльную кокандскую систему «нашествия» в ответвлениях, но и на систему внешней защиты колонизации южных регионов девятнадцатого века. Отчетливо виден вес геополитической мысли в ответвлениях мысли - прощание Кенесары в XIX-XX веках и неизменное повторение в стихах Нысанбая.

Колонизация Южного Казахстана Кокандским ханством началась с Алима, известного в народе как «хан-тиран». Алим искал поддержки у таджиков во внутреннем конфликте и во внешней колонизации. Они сформировали хорошо вооруженную армию. Алим-хан оказал непосредственное влияние на вознесение гундукушских таджиков к славе кокандского войска как наемников и мерзавцев. В него входят каратегинцы, шугнанцы, бадахшанцы, иранцы, скифы и даже воины Гунты. Большинство этих наемников были сиротами, они стали опорой правительства Алима. Следующая задача Алима – развернуть сокрушительную борьбу против высокопоставленных религиозных деятелей, имеющих сильное влияние на внутреннюю жизнь государства. Победенные подчинились политике Алима, а те, кто не приспособился, бежали в Бухарский эмират. Придя к власти, главной целью Алима было завоевание новых земель. Жестокости Алимхана, прошедшего через шариат, не было конца. «Успех» политики Алим-хана в первые годы, основанный на кровопролитии и предательстве, был временем ослабления, разделения казахского института судей и состояния «траура» в литературе после смерти Абылай-хана. «В то время казахская земля была разделена на несколько малых ханств, и Малый жуз и Средний жуз перешли в русское подданство, а Великий жуз остался обособленным. Воспользовавшись этим, Алим-хан завоевал Ташкент, Шымкент, Сайрам и окрестные земли и безжалостно истреблял население» [4, 41-б.].

При изучении жизни и творчества таких известных танцоров, как Сарыбай, всегда следует обращать внимание на будущие исследования, связывающие кокандцев с внутренним мировоззрением и внешним геополитическим положением народов Юга, обманутых в том, что «мы мусульмане».

Жамбыл: «Некоторые люди в облаках, они близки к солнцу и луне. Некоторые люди порют, хорошо катаются и держат задницу. Какой бы ты ни выбрал

для меня, я возьму его и сам об этом позабочусь.

Я говорю быстро,

Поднимаясь с каждым ударом:

я имею в виду сокола

Пожелал, чтобы его кормили издали... - поэт причитание при Сарыбае [1, с. 12]. Воспевая о нравственности, личности и героизме покойного, Жамбыл показывает, что он не только ученик с его поэтическими способностями, но и великий поэт со своим голосом, отвагой, шпагой на языке, способный нести бремя общества.

Его айтысы сделали Жамбыла Жамбылом. В айтысе, как и в поэмах Шенеу, Жамбыл точно находит образ героев и характеризует его в связи с реалиями времени. В этом особенность и популярность жамбыльских айтысов. Кроме того, он не только отвечал поэту оппонента словами, но и каждый ответ оппоненту представлял собой длинное стихотворение. В боях с Кулмамбетом или Сарыбасом, Досмагамбетом Жамбыл не отклонялся от своего курса. С какими бы поэтами он ни спорил, он поет открыто, высказывая свои взгляды, противопоставляя социальному окружению поэтов, воспевавших богатство своего племени, его знаменитых богачей, танцоров и мулл, сатим-сак датков, болисов и шонжаров. Он воспекает народных героев, мужчин, защищавших страну, их походы, их памятные подвиги, тоскую по памяти грядущих поколений. Жамбыл айтыс – мощная сила, и главная черта айтыса – это качество. В каждом новом айтысе Жамбыла расширяется и расширяется и тема, и содержание. Поэтому мы видим, что каждый айтыс поэта впоследствии стал эпическим. Если поэт как бы перешел от айтыса к большому эпосу, то неспроста. Новелла, начавшаяся в айтысе, расширяет, развивает и ускоряет сюжет, который он воспевал в виде краткого тезиса, превращая его в большой готовый эпос. Придает эпический вид айтысу. Это и большая разница, и новинка в жамбыльских айтысах. Первоначально айтыс Жамбыла издавался как подражание традициям, но в 80-х и 90-х годах XIX века он стал новинкой для всех казахских айтысов, сурой айтыс и поднялся до уровня эпической поэмы. Сураншы, Саурык обобщает и воспекает богатырей, рассказы истории Великого жуза в эпическом томе.

Обращаясь к Кулмамбет, он сказал: Скажи человечность, скажи мужество, скажи героизм, Скажи мир, сохраняющий единство страны, - говорила настойчивость Кулмамбета о Жамбыл айтыс, как и в других его стихотворениях, - признак ясности национального духа, национального интереса, выражения народной точки зрения. Это видно по борьбе с Кулмамбетом. Чем больше мы смотрим на творчество Жамбыла в целом, тем яснее становится, что тематическая и идейная система творчества поэта не отклоняется от системы, воспетой его учителем Суюнбаем, а разви-

вает тот же след. Это хорошо видно в исторической теме поэта и тематической линии в айтысе. Суюнбай также приветствовал визит Кенесары в Семиречье. По словам Суюнбая Катагана:

Кенесары-Наурызбай,

Как черная буря...

Когда Наурызбай был жив,

Горе врага... - понимание Суюнбаем национально-освободительной борьбы под предводительством Кенесары-Наурызбая, его глубокое знание истории религии и генеалогии страны. Еще одна особенность Жамбыла в том, что он всегда уважал и дружил с акынами, победившими на айтысах. Он собирал и изучал их острые и драгоценные слова и лирические песни. От современников взяты десятки сказок, родословных, таких как «Кобыланды», «Камбар», «Ер Таргын», «Козы Корпеш». Споря с кыргызскими поэтами, он научился у них петь песню «Манас». Во время поездки на юг он слушал поэтов Майлыкожу, Кулыншака, Майкота, Шади, Мусабека, выучил у них рассказы «Тысяча и одна ночь», «Тоты нама», «Коруглы», «Ер Шора». Жамбыл Бактыбай встретился с поэтом и сказал в одном из своих стихотворений:

Плывет, как гусь,

Я пою с детства.

Майкот акын, Кулмамбет,

Он уступил мне место рядом с собой.

Жирная кожа, топор,

Пирим отказался, - говорит он. Эти слова свидетельствуют о том, как много Жамбыл искал, как многому научился, у каких бегунов учился, как любил и уважал их. Очевидно, что Жамбыл сумел развить критические примеры своих предшественников, создать большую, острую сатиру, присущую только Абаю. Жамбыл – поэт-айтыс, но в юном возрасте привык читать язвительные и ядовитые стихи. Без этого трудно быть айтыс акыном. Однако из его сатирических стихов и рассказов, снятых короткими планами, мы видим, что поэт сможет в будущем направить меч справедливости, и это, несомненно, особенность искусства рисунка.

В рукописи есть несколько версий, что в 1891 году знаменитый Сарыбай возглавлял поэт Майкот, 40 юношей из Сайрама. При сравнении выяснилось, что «Буркейтбай из Сайрама, Шымкента сопровождал на обед к Экею Сарыбаю сорок человек. Ребята едут верхом. Они выбирают десять серых жор, десять черных жор, десять фиолетовых жор и десять шубаржор, чтобы преуспеть. Когда по дороге в Карабалту и Согылык прибыли люди, одетые в разноцветных лошадей, Буркейтбай заболел. Потом он сказал поэту (Майкоту), что ты там обедаешь в Ушконеуре, а он не может гулять со своими спутниками. Он поручает приветствовать старейшин Жетысу. Майкот акын поет и поет с добрыми людьми Семиречья» [4, 2т., с. 12]. После-

дующие обыски показали, что один из этих сорока, Онгарбай, был чеченцем. Прежде всего, остановимся на вопросе «Кто такой Онгарбай чеченец?»

Имеются сведения об Онгарбае Чечене (1834-1917) в рукописном фонде научно-исследовательского центра «Казыгурт». В частности, мы полагаем, что информация, предоставленная третьей женой, кыргызской девушкой Накбиби, Абди Амантаевичу, директору (профессору) Шаянского медресе, собирателю народного наследия (Абди передал все свое наследие своему племяннику Кысыраубеку Амантаеву, собирателю народного наследия). В другом месте рукописи он говорит: «Онгарбай и его киргизская жена никогда не жили в доме. Зимой и летом живет в юрте. Онгарбай умер в 1917 году в возрасте 83 лет в ссоре в Комешбулаке на реке Арысь» [4, 3т., с. 4].

Однажды Жаманкул, сын Есим Датки из села Эркин, встретил на реке Шу говорящего. Потом Жаманкул: - Говорят, ты специалист по генеалогии. «Расскажите нам об известных людях от нашего предка Дулата», - сказал он. Затем Онгарбай:

- Аскарбек в Дулате, где сидит.

Эти дела опережают Сикхим,
Батырбек, Касымбек и Иса Больш,
Сад приземлился с силой и ритмом.

Наркозы, Белкожа и Макулбек,
Он вовремя получил образование.
С Султанбеком, Сейтжаппаром, Жандарбеком,
Цены резко выросли.

Меня зовут Каракойлы, ты Жаманкул,
Дулат был дуаном на стороне Шу.
Жантан и Жарылкамыс,
Вокруг послышался танец Толе.

Помощь и Кудайберген, Дербисали,
Предстоит долгий путь.
Ботпайдан Сипатай и Андас,
Тойшыбек, Байсеит и Ораз, Каржас.

Обещали Оразалы, Таители, Казбек,
Богом данный скот и голова.
Мамбет,

Байтерек, династия, превзошедшая Байзака.

Что случилось с человеком, ушел из жизни,
Керимбай, сильный поэт, который был поэтом, - сказал он. Довольный Жаманкул спросил: - Поздравляю, Онка, скажи пару слов. Онгарбай: - Я не поэт, который ездит верхом и носит шапан. Я сказал вам после

того, как спросил. Дорогой мой, Жаманкул, это неправильно, - сказал Жаманкул, довольный говорившим, и сомкнул живот перед Онгарбаем. Онгарбай не стал брать напиток и вернул его себе.

Скорбь оратора в присутствии знаменитого Сарыбая неполна.

- Если на собаку налить, она пить не будет,
Четверо не уходят.

Недостаточно для двери.

Будут бурные времена,

Сосна покрыта щукой.

Твой белый дом, твой белый дом будет ордой,

Ваш ребенок будет рядом, - приводит в пример горе Асан:

- Будет время,

Тогда страна будет разделена на три части.

Семена с Запада равны,

Одна треть придет с востока.

Будет время погребения,

Когда с ослом покончено, он становится верблюдом,

Доят единственную козу и доят корову.

Страна едет на осле,

Вероятно, слух.

Дом, наверное, кровать.

Мельница стоит на ровной поверхности,

Наверное, танцует из ниоткуда.

Следующий будет сухим,

Бедность будет плоской [пакет 5.1, п. 2].

Несомненно, необходимо выявить и согласовать литературное наследие, рожденное в этот период, проникнутое исторической правдой.

Литература:

1. Жамбыл Жабаев. Двухтомное собрание сочинений. Второй том. - Алматы: «Писатель», 1982, 391. - С. 12.
2. Кожаберген жырау. Эпос «Елим-ай» - Алматы: Изд-во «Зерде», 2015. - 99 стр.
3. Историки. И об. Абылай хан. - Алматы: Просвещение, 1995. - С. 176-181.
4. Омарович Ф. Гордость моя это... - Тараз: «Рысбаев и К», 2000 г. - С. 169.
5. Рукописный фонд Казыгуртского научно-исследовательского центра, 3 тома, 4 тетради. - С. 184, 26, 12.
6. Нуралы Нысанбаевич. Работает. Многотомник «Казыналы Онтустик», Алматы: «Нурлы Алем», 2012. 98 т., (подготовлено к изданию С. Умирзаковым) 112 л.
7. Губайдуллин М.Г. Казахские обычно-правовые нормативы и институт бийства в период административных реформ колониальной России. / Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2018. №. 8. - С. 97-99.